
Анатолий Медведин
Чердак. Зона. Бестселлер

Анатолий Медведин

Чердак. Зона. Бестселлер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73169988
SelfPub; 2026

Аннотация

Невероятная, но подлинная история одной книги, пережившей ГУЛАГ, воровской обман и переиздание под именами разных авторов.

Эта история – не вымысел. В сталинском лагере заключенный-интеллигент пишет роман о свободе, чтобы сохранить рассудок. Циничный вор в законе крадет рукопись, видя в ней шанс на помилование. А майор госбезопасности, выявив подлог, не наказывает вора, а сам присваивает себе авторство и гонорары.

Два литературных ограбления, три исковерканные судьбы и двадцатилетний путь к справедливости, которую в эпоху Хрущева удалось отстоять молодому юристу. Повесть основана на реальных событиях и архивных документах. Это история о силе слова, которая оказалась крепче колючей проволоки, страха и времени.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Анатолий Медведин
Чердак. Зона. Бестселлер

Невероятная, но подлинная история одной книги, пережившей ГУЛАГ, воровской обман и переиздание под именами разных авторов.

Эта история – не вымысел. В сталинском лагере заключенный-интеллигент пишет роман о свободе, чтобы сохранить рассудок. Циничный вор в законе крадет рукопись, видя в ней шанс на помилование. А майор госбезопасности, выявив подлог, не наказывает вора, а сам присваивает себе авторство и гонорары.

Два литературных ограбления, три исковерканные судьбы и двадцатилетний путь к справедливости, которую в эпоху Хрущева удалось отстоять молодому юристу. Повесть основана на реальных событиях и архивных документах. Это история о силе слова, которая оказалась крепче колючей проволоки, страха и времени.

Глава 1

Тюремный библиотекарь дочитал рукопись и задумался. Оставалось сидеть еще целых восемь лет, а перед ним лежал реальный шанс попасть на свободу значительно раньше. Причем не путем банального побега, а изящно и победоносно – как автор… гениальной книги. В том, что роман, принесенный ему вором в законе Голубевым, гениален, Шац почти не сомневался. Он всю жизнь посвятил литературе, изучая сочинения великих и теша себя надеждой, что и он, Анатолий Шац, однажды напишет гениальное творение.

Написать ничего не получилось, а с годами все чаще хотелось наконец-то хорошо пожить. Несмотря на суровое довоенное время, сталинские репрессии, ловким гражданам и тогда удавались рисковые операции.

Начав с безобидной спекуляции отпускаемой школе сгущенкой, где Шац был директором, он скоро был втянут в весьма крупные махинации с поставками продовольствия в Москву. Отсутствие литературного таланта, который с надеждой выпестовывал в себе директор московской средней школы № 324, с лихвой окупилось коммерческими способностями. Шац стал мозгом бандитской группировки. Он начал ездить на такси, обедать в ресторанах, кутить с девочками, но в глубине души понимал – это очень ненадолго. Кругом сажали и просто так – честных и внешне порядоч-

ных людей. Поэтому когда короткой летней ночью 38-го года его арестовали, Шацу стало как-то легче – вот оно, наконец, свершилось. Сел он на 10 лет, попав в лагерь вместе с врагами народа и обычными уголовниками. Почтенный возраст и связи в уголовном мире, быстро помогли Шацу стать заведующим тюремной библиотекой, которая преимущественно содержала сочинения великих вождей и идеологов революции.

Рукопись романа «Индийский невольник» Шацу принес пахан зоны, вор в законе Виктор Голубев, по кличке Рябой. Попросил прочесть и составить впечатление. «Посмотри, деляга, правда вещь, или так, писанина», – сказал Голубев. «Мне неохота этим себя позорить, Сталину хочу послать, на свободу выйти. Мой роман», – добавил он, посмотрев на Шаца долгим взглядом.

Шац читал больше недели. Он знал, что Голубев никогда не писал такого романа. На зоне ни для кого не было секретом, что вот уже почти год смотритель бани Захар Штернберг, сидя на чердаке бани в своей каморке, писал книгу. С самых первых глав романа про пиратов, море, океаны, вечную любовь и коварство его слушателями стал сам пахан Голубев и около двадцати его сокамерников – тех, кто сидел с ним в одном бараке. Штернберг зачитывал почти каждый день по нескольку глав, а Голубев строго следил за реакцией заключенных. Роман должен был нравиться – в этом состоял план вора в законе. Самому ему тоже было интересно по-

слушать о приключениях героев «Индийского невольника». Однако важнее было не просто праздное любопытство, а то, какое впечатление производит книга на слушателей.

Книга нравилась.

Голубев пришел к Шацу, как и договаривались, после ужина. «Рябой, никто не поверит, что вор в законе написал этот роман. Я знаю твой план. Внеси в соавторы меня и отправь рукопись Сталину с моим именем. Уголовка знает только вора Голубева, писателя такого нет. А я всю жизнь изучал книги, работал в школе учителем, у меня сохранились связи. Выпустим книгу вместе, а?»

Вор молча слушал речь библиотекаря, курил и аккуратно сплевывал табачные крошки в ладонь. Слова старика почти окончательно успокоили его. Недаром он ждал 13 месяцев, заботился о Штернберге.

Глава 2

План, который придумал Рябой, начинал претворяться. Сидеть ему еще 12 лет – это была его 6-я ходка, на амнистию рассчитывать не приходилось. Голубев был вором в законе, «держал зону», но на волю очень хотел. Идея пришла неожиданно.

Перед празднованием великой годовщины Октября в 1947 году всех зеков зоны строгого режима повели на обязательную лекцию. Начальник зоны зачитывал с трибуны доклад об успехах советской промышленности, и среди фамилий героев трудовых подвигов Голубев несколько раз слышал имена тех, кто при его вольной жизни был посажен в лагеря на 10-15 лет.

Оказывается, эти люди, «облеченные высоким доверием партии и правительства», смогли из тюрьмы рассказать Сталину о своих идеях по возрождению советской промышленности, созданию новых, современных видов вооружений и… были прощены.

Голубев не был ни инженером, ни ученым, он вообще окончил 5 классов школы, потом 2 года работал на заводе, потом воровал кошельки на вокзале, а потом сидел. «Тут Сталину не повезло», – иронично подумал Голубев. Однако желание получить амнистию и выйти на свободу за «трудовой подвиг на благо всему советскому народу» не пропада-

ло. Голубев думал несколько дней. И придумал, как показалось ему, хороший план: «Надо написать книгу! Отправить ее Сталину и попросить свободу».

Вор в законе даже и не пытался написать что-то сам. Будучи «смотрящим по зоне», он числился кладовщиком столовой. На самом деле он даже на этом «хлебном месте» не работал, предпочитая ставить вместо себя особо приближенных зеков.

Командир зоны, полковник Тарас Мытько, не вмешивался в правила, установленные на каторге испокон веков. Он требовал от смотрящего только внешнего соблюдения дисциплины и закона. В «воровские понятия» Мытько предпочитал не вмешиваться, а наоборот, использовать авторитет воров для решения проблем управления зеками.

Поэтому Голубев знал все, что происходит на зоне, его невидимые глаза и уши следили за каждым бараком. «Надо найти писателя», – сказал он однажды во время вечернего чефирья. «Чо, Рябой, книжку про себя написать хочешь?» – пошутил севший за убийство жены москвич Калинин. Он имел первую ходку, имел статус простого «мужика», но попал в приближенные смотрящего зоны за умение обращаться с ножом и абсолютную трезвость. Многим было непонятно, как Калинин умудрился убить супругу, будучи абсолютно непьющим человеком. Иногда Голубеву казалось, что Калинин сел специально, спасаясь от кого-то на воле. Но тогда зачем такая строгая статья – убийство?

«Нет, будем писать книгу про разбойников. А то живем скучно, только газетками и богаты про советскую жизнь. А хочется чего-то красивого и далекого», – усмехнулся Голубев. Он всегда старался разговаривать с людьми, знал, что феней да финкой авторитет зарабатывают только дешевые фраеры. А настоящий вор должен уметь убедить и сокамерников в зоне, и подельщиков на воле. Тогда и дела можно делать.

О чем будет задуманная книга, Голубев не задумывался. Это было дело писателя. А про разбойников сказал, потому что сам был разбойником. Только советским.

Глава 3

На зоне сидело 7 345 человек. Почти половину из них посадили в 1937-38 годах по статье «Враг народа» на 10-15 лет. Оставшиеся были уголовниками.

По баракам пустили команду, что смотрящий ищет «писателя». Уголовников отметали сразу, внимательно изучали дела «политических». Находились и инженеры, учителя, служащие различных учреждений. Подходящих под звание писателя нашлось всего трое. Голубев долго беседовал с каждым из них, стараясь понять – кто сможет написать гениальную книгу. Он не сомневался в том, что на его просьбу согласится любой из «писателей». Они не посмели бы ослушаться приказа смотрящего зоны, но самое главное – Голубев мог обеспечить им вполне сносную по зековским меркам жизнь – сытую, без работы и чрезмерного надзора охраны.

Первого звали Иваном Андреевичем Крыловым. На свободе он работал корреспондентом саратовской областной газеты, писал о трудовых подвигах селян при уборке урожая и посеве кормовых. Крылов досконально знал сельскую жизнь, неоднократно пешком или на лошадях вместе с бригадирами объезжал поля саратовских совхозов и колхозов. Посадили его в 38-м. На допросе один из его бывших героев – председатель совхоза «Ленинский путь» Иваненко – показал, что Крылов, однажды приехав в его совхоз во время уборки се-

на, посетовал, что в совхозе мало техники, и, мол, поэтому селяне не справляются и урожай гибнет. Отягчающим обстоятельством признали, что Крылов рассказывал, будто бы в Америке у каждого фермера есть трактор и что, мол, там много механизации. Корреспонденту газеты вменили антисоветскую пропаганду и расхваливание буржуазной экономики. Получил Крылов 15 лет.

Вор Голубев читал советские газеты. По ним он судил, что должен, по мнению партии и правительства, думать советский человек, а также узнавал о планах новых грандиозных строек. Еще по началу своей криминальной карьеры, в лихие революционные годы, Голубев знал, что там, где собирается много незнакомых людей, удобнее всего воровать и грабить. А любая народная стройка как раз и являлась таким местом. Правда, туда ехали в основном бедные студенты, но и инженеры имелись. Кроме того, народная стройка нуждалась в продуктах, а также в большом количестве денег, которыми выплачивали зарплату.

Сейчас Голубев слушал грустный рассказ Крылова, иногда задавал вопросы. Мужик ему нравился, он был прост и искренен. Но оценить литературные таланты советского корреспондента вор не мог. «Книгу написать сможешь? Хорошую. Чтобы Сталину понравилась», – спросил вор у корреспондента, когда тот во второй раз стал уныло рассказывать о том, почему его посадили.

Крылов испугался вопроса: «Сталину? Книгу?». Сидеть

ему оставалось еще 8 лет, и он уже свыкся с этой мыслью, стараясь своим поведением демонстрировать, что он осознал допущенную ошибку и что его приговор, в общем-то, хоть и суров, но справедлив. Предложение вора ломало всю схему поведения Крылова в тюрьме. Предстояло писать книгу для самого Сталина. О том, как и почему написанная в зоне книга должна попасть к вождю, Крылов даже не подумал.

«Писать книгу для вождя могут только очень партийные и по-советски правильные люди», – начал бормотать Крылов. «А я зек, наказанный справедливо партией за неверие в советских людей. Им не нужны машины и трактора, это для обленившихся буржуазных прихвостней и негров важно. А настоящий пролетарий он и без трактора соберет урожай – и хлеба, и масла, и семян, и всё что нужно советскому народу, и партии, и правительству», – начав бормотать, Крылов к концу речи уже говорил истеричным тоном советского агитатора.

Он вдруг ясно понял, что вор Голубев вовсе никакой и не вор в законе, а специально посаженный в зону сотрудник НКВД. Он проводит беседы с особо подозрительными, чтобы выявить в них сразу новые зачатки антисоветских мыслей. Да и откуда в советской зоне вдруг взяться какому-то «смотрящему»? Не каторга ведь.

Ночью Крылова зарезали. Голубеву не нужны были лишние свидетели его плана. «Зона все слышит и знает» – этот закон Голубев усвоил еще в первую ходку. Поэтому и смерть

Крылова была обставлена как положено. Пустили слух, будто саратовский корреспондент стучит на воров командиру зоны и что якобы поэтому прошлогодний побег двух зеков был сорван.

Глава 4

Со вторым писателем Голубев познакомился спустя месяц после смерти Крылова. Штернберг на воле работал литературным критиком, в юности выпустив в печати книгу романтических стихов, еще через два года – сборник новелл. Это были странные для советского читателя произведения.

Здесь не было описаний героев революции или трудностей индустриализации и выполнения пятилетки за три года. Стихи почему-то были о знойной испанской принцессе, а новеллы все сплошь про далекие моря и пиратские легенды. Обе книги вышли в киевском издательстве, редактор которого посчитал, что миллионные тиражи книг про империалистические происки неплохо было бы разбавить чем-то романтическим.

Книги вышли небольшим тиражом, однако имели некоторый успех. И именно эти произведения и вынудили стать Штернбергена литературным критиком. Сначала наркомат образования никак не прореагировал на выпущенные книги. Однако после очередной чистки редактора киевского издательства сняли, бросив его на повышение культуры чтения в алтайские села. Всю выпущенную издательством литературу прорецензировали и нашли в книгах Штернбергена ложный призыв к несвойственной советской молодежи романтичности и мечтательности. Вызванный куда надо, Штерн-

берген тут же грамотно покаялся, сослался на ошибки молодости. Больше он книг не писал, а наоборот, ступил на стезю литературного критика. Он злобно клеймил позором не свойственные строителям коммунизма книги. Особенно Захар Штернберген налегал на негативное влияние на умы советской молодежи таких идей, как вера в вечную любовь и романтичное восприятие брака.

«Советская молодежь не нуждается в таких затасканных буржуазными писателишками, так называемых ценностях, как подвиги во имя любви, благородство поступков и уважение традиций. Советский народ еще только создает свои бытовые традиции, но уже с молоком матери гражданин свободной страны советов должен впитать в себя веру в идеи коммунизма и мировой революции. Мы не можем уподобляться закодированному мировой буржуазией стаду послушных рабочих и крестьян капиталистических стран. Для советского юноши и девушки главными приоритетами должны стать не буржуазная любовь, а вера в правильный курс партии и правительства. Идеалы коммунизма – самые чистые и светлые принципы, рождаемые когда-либо человеческой мыслью. Семья – это важнейшая ячейка советского общества, залог здоровья нации и продолжения идей Ленина. Но уподобляться иностранной молодежи, влекомой обманчивыми трюками буржуазной рекламы лживой романтичности чувств, значит цеплять мертвый груз к пролетарской молодежи, значит становиться препятствием на дороге строи-

телей коммунистического будущего», – писал он.

Наловчившись писать подобные сочинения, Штернберген достаточно быстро занял положение среди советских критиков и больше не помышлял о написании книг. Возможно, в глубине души он хотел продолжать литературные эксперименты. Но слишком рискованно это было. Слишком ненадежен был такой хлеб в советской стране 30-х годов XX века.

Однако и Захара посадили как врага народа. В 39-м, уже на спаде репрессий и зачисток, Захар в ужасе от происходящего кругом уподобился ортодоксу и крушил в своих статьях не глядя любые попытки советской литературы вырваться за рамки цитирования Ленина и Сталина. Те статьи, что шли на ура в 37-38 годах, вдруг стали носить «отпечаток поверхностного отношения к необходимости налаживания культурных связей между пролетариями европейских стран, что входит в противоречие с идеями мировой революции», – так было написано в протоколе допроса. Штернберген получил 15 лет лагерей.

Глава 5

Голубев, выслушав Штернбергена, подивился податливости этого человека, явной трусливости перед советской властью. «Потерялся мужик, хотел нравиться, да вовремя не остановился», – думал про себя вор Рябой.

Вопрос формулировал так же, как и для умершего месяц назад Крылова: «Книгу написать сможешь? Чтобы Сталин прочитал и ему понравилось?».

«Зачем вам это?» – тут же спросил Штернберген.

«Понимаешь, Захар, мы с тобой книгу эту напишем, пошлем Сталину, он прочтет, оценит, и нас выпустят. Так что ты уж постарайся», – объяснил Голубев.

Штернберген задумался. Он сидел в лагерях несколько лет, здоровье ухудшалось. Работал на лесоповале, строил железную дорогу, работал землекопом. Душа привыкла к лишениям и физическому труду, а вот тело постепенно, но слабело. Штернберген знал, что Голубев может помочь ему. Сейчас ему хотелось отдохнуть, поесть досыта, отоспаться. Но сказал другое: «Книгу написать можно, только нелегкое и не скорое это дело. Опять же бумага нужна, чернила. Много. Стол, тишина, покой». Голубеву понравился деловой подход ЗК к книге: «Смотри, Захар, я сделаю тебе простую работу, жратва и все что надо тоже будет. Только ты смотри, не обманывай меня – если берешься писать, то надо, чтобы кни-

га вышла настоящей. Сталин, он ведь знаешь, за то что ты ему бездарную книжку пришлешь, и обидеться может. Да и я тоже, Захар, спрошу с тебя за добро-то».

Третьим «писателем» был как раз старый библиотекарь Шац. Но смотрящий не стал с ним связываться, зная его криминальную славу. А еще по плану Голубева ему нужен был проверщик – человек, который книгу прочтет и сможет высказать профессиональное мнение.

Глава 6

Через неделю Штернбергена перевели с лесоповала на тихую должность смотрителя бань. Работать нужно было раз в неделю, в день помывки. Впрочем, даже эту службу «писателю» помогали нести специально назначенные Голубевым ЗК. Остальное время Штернберген сидел на чердаке бани, в специальном «кабинете» и сочинял книгу. Голубев дал Захару три месяца.

Предложение написать книгу взамен на сносное жилье в течение нескольких месяцев для Штернбергена было, конечно, неожиданным, но почти ожидаемым. Он скромно оценивал свои литературные способности до тюрьмы, однако, очутившись в неволе, он слегка прозрел. После десятилетия жизни при советском режиме и двух лет лагерей ему вдруг захотелось рассказать всем людям на земле, какое это счастье – быть свободным.

По-настоящему, когда нет надзирателей на улицах и на работе, когда нет каменных джунглей и обманутых надежд. Когда человек остается наедине со стихией и дикой природой, и только от него самого зависит его счастье и удача.

Штернберген завидовал североамериканским индейцам и африканским племенам, испанским корсарам и арабским бедуинам. Он хотел вечной романтичной любви и свободы! Все то, что он в течение 10 лет опошлял в своих критиче-

ских статьях, рвалось наружу. Ему хотелось, чтобы он снова, как в юности, верил в романтику морей, возможность чудесных спасений и верность той, которая способна ждать своего мужчину вечно.

Погружаясь в мир своих фантазий, Штернберген был почти счастлив. Он видел наяву бушприты шхун и корветов, орудийные гнезда фрегатов, вдыхал запах морской воды и чувствовал на своих морщинистых щеках нежный поцелуй восточной красавицы. Подвиги, туземцы, новые открытия и несметные сокровища в сундуках – мечты любого мальчишки пробудились в советском литературном критике благодаря зоне. И о своих видениях он и решил написать книгу для вора в законе по кличке Рябой.

Сначала Штернберген отнесся к уговору с Рябым просто как к сделке. Один пишет, второй предоставляет ему сносные условия существования. Но через месяц Штернберген, даже видавшему виды Голубеву, стал казаться слегка помешанным. Это его и радовало, потому как Голубев слышал, что все гении полоумные, и расстраивало, потому как книгу надо было дописать, а совсем сумасшедший этого сделать бы не смог бы.

Сам Захар жил только книгой. Теперь, когда он смог переносить свои мечты и фантазии на бумагу, они как будто становились явью. То, что всего лишь раньше скрашивало ему досуг, сейчас стало смыслом жизни. Уже не во сне, а наяву Штернберген карабкался по реям мачт, стоял на капи-

танском мостике с подзорной трубой и писал нежные письма шестнадцатилетней принцессе.

Через две недели после начала работы Голубев предложил Штернбергену зачитывать перед избранными самим вором заключенными главы книги. Он хотел с первых строк удостовериться, что не зря добыл для «писателя» блатную работу, не зря покупает у офицеров тетрадки и чернила, заставляет других ЗК следить, чтобы Штернбергена никто не трогал и тот ни в чем не нуждался. Да и позору-то сколько будет, если его, вора в законе Рябого, будет водить за нос какой-то неудавшийся литератор.

Однако к радости вора почти ежедневные чтения глав книги вызвали сильный интерес лагерников. Скоро замысловатый сюжет книги стали просто пересказывать в других бараках, и весь лагерь знал о хитросплетениях судьбы сэра Элиасса Хоупа, его невесты, дочери испанского гранда Сабрины, пирата Джакомо Брута, капитанов английских фрегатов, колонизаторов Америки, индийского раджи и его незаконнорожденного сына и прочих героев романа «Индийский невольник». Когда над Сибирью трещал мороз, ночь укрывала десятки лагерей мраком, в одном из бараков далекой зоны № 243 перед двумя десятками ЗК вставало жаркое солнце Карибских островов, корабли брали на абордаж, а над морем несся грозный крик одноглазого капитана: «Тысяча чертей!».

Глава 7

Спустя три месяца роман был написан только лишь на четверть. Штернберген был увлечен своей книгой, она получалась. Мудрый Голубев понял, что писателя подгонять нельзя. Вор видел, что Штернберген работает над книгой днями и ночами, а сокамерники с восторгом принимали вновь написанные главы. Приходилось мириться и снова доставать для писателя тетрадки и карандаши. На вопросы авторитетных ЗК вор уклончиво отвечал, что, мол, с воли попросили помочь Штернбергену с книгой, да и вообще, мол, и сам Голубев тоже любит литературу. «А про зону писать не надо. Чего в ней мы не видели, все равно люди правду знают. Надо сделать книгу о морях и приключениях», – рассуждал прилюдно вор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.